

УДК 930.22

РОМАН КАРЕЛА ВАНЕКА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА В РУССКОМ ПЛЕНУ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

ЛЕПЕХИНА Галина Ивановна,кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается анализ литературного произведения как исторического источника, позволяющего раскрыть многие аспекты темы военного плена на территории России в годы Первой мировой войны, прежде всего – специфику межкультурной коммуникации, особенности взаимодействия военнопленных с различными социальными группами российского общества, эволюцию мировоззрения попавших в плен чехов и словаков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исторический источник, военнопленные, Первая мировая война, Карел Ванек, brave солдат Швейк.

LEPEKHINA G.I.,Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of Foreign History,
Voronezh State Pedagogical University

THE NOVEL BY KAREL VANEK "THE ADVENTURES OF THE BRAVE SOLDIER SVEJK IN RUSSIAN CAPTIVITY" AS A HISTORICAL SOURCE

ABSTRACT. This article is devoted to an analysis of the novel by Karel Vanek "The Adventures of the Good Soldier Svejk in Russian Captivity". The research gives the insights into different aspects of the military captivity in Russia during the First World War such as the specificity of intercultural communication, peculiarities of the interaction between prisoners of war and different groups of Russian society, the outlook evolution of captured Czechs and Slovaks

KEY WORDS: historical source, prisoners of war, First World War, Karel Vanek, Brave Good Soldier Svejk.

Любое художественное произведение – яркий пример действенности познания с помощью искусства, предметом которого является внутренний мир человека; оно всегда обращено к сфере чувств, отражает субъективную оценку автором тех или иных событий, а результат фиксируется в художественном образе, который может восприниматься неоднозначно. Научное познание, напротив, предполагает стремление к объективности, использование специальных методов, понятий, в качестве его результата выступает научная теория, а выводы должны быть обоснованы, систематизированы и проверяемы. Можно ли найти точки соприкосновения при столь различных формах познания?

Проблема использования произведений литературы как важных исторических источников до сих пор вызывает споры [1; 9; 12; 15; 17; 18; 19], а возможность проведения междисциплинарных исследований на стыке истории и литературы признается представителями ряда направлений в современной историографии [10, с. 188]. Безусловную значимость литературных творений активных участников исторических событий для характеристики быта и нравов, истории культуры и общественной мысли признают многие исследователи [13, с. 83].

Понять психологию солдата в годы Первой мировой войны, глубину его переживаний, окунуться в мир противоречивых эмоций помогают такие ставшие классикой шедевры, как романы Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и Э. Хе-

мингуэя «Прощай, оружие». Но, к сожалению, произведение, касающееся различных аспектов военного плена – во многом автобиографичный роман писателя Карела Ванека «Приключения brave солдата Швейка в русском плену», впервые опубликованный еще в 1928 г. и переизданный в 1993 г., – остается практически неизвестным, хотя автор использовал образ солдата Швейка, знакомого всем поклонникам творчества Ярослава Гашека. Чешские писатели были сослуживцами, оба не только воевали, но и оказались в плену, пройдя сквозь схожие испытания – лагерь для военнопленных в Дарнице, переброска в Сибирь. Именно К. Ванек после смерти Гашека по просьбе издателя написал 3–6 главы, чтобы завершить четвертую часть великого романа, но попытка написать пятую и шестую части оказалась неудачной, читатели не приняли его продолжение. Затем К. Ванек осуществил мечту друга (еще в 1917 г. Я. Гашек издал в Киеве повесть «Бравый солдат Швейк в русском плену») и описал разнообразные приключения военнопленного Швейка. Для нас не имеет смысла вдаваться в полемику литературоведов по поводу степени одаренности К. Ванека, но его произведение «Приключения brave солдата Швейка в русском плену» заслуживает самого пристального внимания.

Анализ этого источника позволяет проследить, как происходила межкультурная коммуникация, взаимодействие военнопленных с различными пред-

Информация для связи с автором: gil7@list.ru

ставителями общества и государственной власти Российской империи.

На первый план выступает проблема преодоления языкового барьера, несмотря на близость славянских языков. К. Ванек четко ее обозначил: «Явление это весьма загадочное: во всех учебниках иностранных языков вы найдете только салонные слова, самые элегантные выражения и фразы, которые употребляются только в высшем обществе... Слов же, при помощи которых объясняется и понимает друг друга простой народ, вы не найдете ни в каком учебнике, и первое, что иностранец запоминает и узнает в чужой речи, это ругательства и проклятия» [3, с. 61]. Особенно «тяжело договориться с жителями враждебного государства, раз они говорят на чужом языке» [3, с. 11]. В романе весьма иронично описывается знакомство Швейка с русским матом, умелое использование чешским военнопленным для добывания дополнительной пищи сочувствия к православным, трудности в общении с женским полом из-за того, что русские солдаты обучали чехов «неприличным словам», непонимание им переносного значения слова «бумага» в смысле «документ» [3, с. 8–10; 33; 58; 62; 86].

Вообще, речь идет по существу о разнице мировоззрения, ценностей и установок представителей традиционной (Россия) и индустриальной цивилизаций (Австро-Венгрия). К. Ванек большое внимание уделяет взаимоотношениям пленных с крестьянами, отмечая, что вначале это случайные и кратковременные встречи, в ходе которых крестьянство проявило себя наилучшим образом: «Крестьяне относились к ним с жалостью, давали табак и папиросы; женщины, смотря на них, плакали, раздавали им хлеб, сами варили для них картошку и разносили ее в горшках по сараям и ригам, в которых размещались пленные» [3, с. 40]. Люди делились тем немногим, что у них было, сострадание основывалось и на том, что у многих в семьях были и солдаты, и военнопленные.

Но возможность длительного взаимодействия представилась только тогда, когда часть военнопленных была размещена в крестьянских семьях, чтобы компенсировать нехватку в них рабочей силы. К. Ванек описывает этот процесс взаимного изучения в трех главах: «Работа», «Медицина бабки Марфы» и «Сватовство и свадьба» [3, с. 95–153]. Крестьяне относились к пленным снисходительно, сажали их с собой за стол как членов семьи, хотя сразу же выявились различия во всем: сельскохозяйственные работы чехи – горожане Иосиф Швейк и Марек – выполнять не могли, ссылаясь на то, что это должны делать машины; русские были религиозными людьми, верили в эффективность действий знахарки, а чехи – атеисты; крестьяне развлекались дракой, кулачным боем без каких-либо причин, а образованным чехам эту забаву заменяли футбол, бокс и греко-римская борьба. Особое место занимал словак Звержина, он был крестьянином, умел косить, не чурался тяжелой работы, был истовым католиком, но по своему мировоззрению он был близок и к чехам. Даже бытовые детали свидетельствовали о том, что речь шла о людях «из разных миров», например, чехов удивляла еда: пшенная каша («у нас этим кормят кур») [3, с. 32], они не понимали, почему крестьяне не употребляют в пищу шампиньоны, ведь в Праге это – «еда аристократов» [3, с. 141]. Пленные долго спорили о том, для чего нужны странные кирпичи, лишь потом выяснилось, что кизьяки – «русский антрацит» [3,

с. 124]. В начале их пребывания в деревне даже баня вызывала у них изумление [3, с. 104]. В целом общение с крестьянами было позитивным, а с женщинами некоторые вступали в достаточно близкие отношения. Это подтверждается и такими фактами, как заключение брака военнопленных Иосипа Броз Тито и Я. Гашека с русскими женщинами [2].

Совершенно иная картина складывается на основе отзывов об отношениях военнопленных с начальством любого уровня. К. Ванек вкладывает в уста русского генерала такую фразу: «Каждый пункт подает интендантству огромные счета за питание военнопленных, а они, бедняги, умирают с голоду. Мы издали манифест, мы призвали их сдаваться добровольно, а у нас их обворовывают» [3, с. 26], признавая факт присвоения денег, получаемых на питание военнопленных, рисует страшную картину массовой гибели от голода и болезней в лагере для военнопленных (глава «В Дарнице»), подчеркивая, что «у пленных отобрали все, что нравилось производившим обыск» [3, с. 52, 61–77.]. Очевидно, что нормы международного права, закрепленные в Женевской конвенции, часто не соблюдались, хотя и был предусмотрен механизм контроля – посещение лагерей сестрами милосердия в рамках миссии Красного Креста [16, с. 8].

Этому сюжету К. Ванек в своем романе посвятил специальную главу «Милосердие Красного Креста». Он крайне иронично характеризует мотивы, заставляющие женщин – сестер милосердия – отказываться от вполне обеспеченной, комфортной жизни: «...Почтенные и благородные дамы, которые еще недавно таскали за волосы горничных и подносили к носу лакея хлыст, надевают платье сестры милосердия, повязывают голову белыми и черными косынками, нашивают красный крест милосердия и идут по лазаретам убеждать солдат в том, что главное в войне – не ее кровь и грязь, и возможность безнаказанно совершать преступления, а возможность совершать добро, как, например: оправить больному подушку, промыть гноящиеся глаза, задавать бесконечные вопросы о том, сколько дома осталось детей и уговаривать не заботиться о них в случае смерти, потому что над всем, что совершается, довлеет Бог, который не позволит погибнуть ни нам, ни детям нашим» [3, с. 201–223]. Действительно, именно женщины из элиты общества были широко представлены среди сестер милосердия: из 6 германских сестер милосердия, отправленных в Россию, 4 имели титул, среди австрийских – все три [5, с. 1601–1602; 6, с. 2364].

Возможно, такая негативная оценка бывшего военнопленного К. Ванека объясняется несправедливым распределением денежной помощи и вещей в зависимости от национальности. «Перед складом стояли немцы, за ними мадьяры, румыны, итальянцы. Они по четыре входили в барак, и оттуда каждый выходил, неся в руках коробку белья, шинель, одеяло, ботинки, по пачке спичек, махорку, папиросы». Чехи же «получали в подарок коробку спичек, шесть сигарет, баночку серой мази и мешочек неприятно пахнущего порошка от насекомых» [3, с. 226–227]. Это описание полностью подтверждается и данными периодики: «Вестник Красного Креста» поместил сообщение о жалобе чешских офицеров в Международный Комитет Красного Креста, размещенный в Женеве, на действия графини Ревертера фон-Саландра [4, с. 660–663]. Она не только отказалась дать деньги богемцам под предлогом, что «им здесь хорошо, о них позаботится Россия», но и стала собирать сведения о чехах, со-

чувствовавших России, что вызвало у офицеров вполне обоснованные опасения о возможности преследования их семей в Австро-Венгерской империи. В связи с этим пленные чешские офицеры предложили прислать в места их пребывания медсестру именно чешской национальности, которая сумеет должным образом выполнить свой долг. Впрочем, поступок графини понятен, если учесть, что «весной 1915 г. одно за другим стали поступать сообщения о сдаче в плен целых воинских подразделений, сформированных в чешских землях ... к концу 1916 г. в России оказалось 200–250 тыс. чехов и словаков, значительная часть которых сдалась добровольно» [11, с. 278].

Об остроте «национального вопроса» среди военнопленных свидетельствуют и данные из Государственного архива Воронежской области: «на 44 человека германцев было выдано 140 р., а на 208 австрийцев – 364 р. При распределении этих денег по 2 р. на человека 26 австрийцев ничего не получили, что вызвало ропот с их стороны и враждебное отношение к германцам» [22]. Далее прилагался список «обиженных» австрийцев, по которому мы не можем судить об их национальной принадлежности. В романе К. Ванека встречаются не только негативные оценки сестер милосердия, но и устойчивые гендерные стереотипы, свидетельствующие о том, что общество с трудом привыкло к новой роли женщины, зачастую отказывая им в уважении, несмотря на весь проявленный героизм [14, с. 112–113].

К. Ванек неоднократно упоминает о том, что представления о реальной помощи со стороны российских властей славянам не соответствуют действительности, на поверку родство и солидарность славян оказались лишь мифом, чехам только предлагалось продолжить войну уже на стороне русского царя. Агитаторы не гнушались ничем, один призывал к освобождению Чехии от национального угнетения, другой обещал материальные блага. Но военнопленные не откликнулись на этот призыв [3, с. 74–77]. Даже переход в православие для многих военнопленных славян был лишь одной из стратегий выживания, поскольку был обусловлен прагматическими соображениями [3, с. 224–225, 235].

Особенно значимыми являются страницы романа К. Ванека, посвященные изменениям личности военнопленного, ведь «голод продолжался и превращал людей в зверей» [3, с. 38]. Целью большинства становится добыть пропитание любой ценой, не гнушаясь воровством даже у своих товарищей, поэтому так горестно звучит молитва Швейка: «Боже, прости им!.. Они, эти люди, все воры и не крадут только тогда, когда это невозможно! Это образование на них – только тонкий слой, а под этим слоем они все такие же, как и я!» [3, с. 39]. Уже в Дарнице Швейк «понял, что быть здесь милосердным – значит самому умереть с голоду» [3, с. 63]. И все же автор не может смириться с тем, что, даже избежав голодной смерти, военнопленные по-прежнему воспринимают других как потенциальных врагов. Но и среди пленных, несмотря ни на что, продолжает существовать воинское братство, ближайшее окружение Швейка – Марек, Горжина,

Ванек – вместе с ним переживает невероятные приключения от любовных походов до столкновений с начальством, они вместе трудятся, вместе голодают, вместе вспоминают родину и пытаются разобраться в политике. Чешские военнопленные не имеют единой позиции по всем вопросам, они спорят друг с другом, но признают право каждого на собственное мнение, снисходительно относясь к любым слабостям. Роман К. Ванека можно рассматривать как гимн подлинной дружбе.

Впрочем, всех военнопленных объединяло одно – они становились «яркими антимилитаристами до самой смерти» [3, с. 65]. Общность солдатской судьбы приводит к странному феномену единения представителей враждебных армий. Автор неоднократно подчеркивает, что пленные находят общий язык с русскими солдатами, а когда у Швейка на базаре поп попытался отобрать самодельные перстни, торговля которыми была главным средством пополнения запасов еды, то именно русские солдаты поддержали военнопленного как «своего» и поколотили попу [3, с. 356–357]. Часто военнопленные оказываются в непосредственной близости к солдатам, живут с ними в одном помещении, они вместе страдают от безудержного воровства, пытаются понять друг друга. Поэтому так трогательно выглядит «культурная деятельность бравого солдата Швейка», обучавшего русских чешским песням [3, с. 344–345]. Единение воинов объясняет, почему они охотно воспринимают революционные идеи. К. Ванек обличает все государства, виновные в развязывании войны: «Еще никогда война не велась из низких и неблагородных побуждений. Еще никогда не было наступательной и неблагородной войны; каждое государство воевало потому, что было вынуждено обороняться от нападения; ни одно государство еще никогда не нападало на другое, – наоборот, каждое должно было обороняться от нападения» [3, с. 53]. Революция в Российской империи началась раньше, чем в других странах, общеизвестен факт, что многие военнопленные приняли в ней самое активное участие на стороне белых или красных, но К. Ванек посвятил ей лишь небольшую главу «Швейк участвует в революции» [3, с. 361–373], практически не обозначая своей оценки событий. Думается, причиной такой авторской позиции могло стать стремление избежать чешской цензуры, ведь книга готовилась для публикации в Чехословакии, и надо было по возможности не акцентировать внимание на том, что создатель образа Швейка – Я. Гашек – поддержал большевиков и после возвращения на родину фактически был подвергнут остракизму.

Итак, К. Ванек по праву принадлежит к блестящей плеяде писателей «потерянного поколения». Его роман был написан в то время, когда Первая мировая война по-прежнему определяла не только политику государств, но и личную жизнь ее участников, в связи с этим многие детали событий, переживания описаны так ярко и могут послужить важным источником для исторического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

• Гуманитарные науки

• Исторические науки, археология

1. Андреев, Ю.А. О соотношении и эволюции художественного и научного познания [Текст] / Ю.А. Андреев // О прогрессе в литературе. – Л., 1977.
2. Броз Тито, И. О пребывании в России во время Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны [Текст] / И. Броз Тито // Новая и новейшая история. – 1987. – № 4. – С. 106–117.

3. Ванек, Карел. Приключения храброго солдата Швейка в русском плену [Текст] / Карел Ванек. – СПб., 1993. – 384 с.
4. Вестник Красного Креста [Текст]. – Петроград, 1916. – № 2. – С. 660–663.
5. Вестник Красного Креста [Текст]. – Петроград, 1916. – № 5. – С. 1601–1602.
6. Вестник Красного Креста [Текст]. – Петроград, 1916. – № 7. – С. 2364.
7. Государственный архив Воронежской области. – Ф. И-6. – Оп. 2. – Д. 470 «Дело об осмотре уполномоченными Датского Красного Креста лагерей военнопленных в 1916 г.».
8. Енсен, Б. Миссия Датского Красного Креста в России. 1918–1919 годы [Текст] / Б. Енсен // Отечественная история. – 1997. – № 1. – С. 27–41.
9. Зверев, В.В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику [Текст] / В.В. Зверев // Вопросы истории. – 2003. – № 4. – С. 161–166.
10. Калимонов, И.К. Основы научных исследований (зарубежная история). Практикум (Тексты для самостоятельного изучения) [Текст] / И.К. Калимонов. – Казань, 2006. – 277 с.
11. Краткая история Чехословакии [Текст] / отв. редакторы А.Х. Клеванский, В.В. Марьяна, И.И. Поп. – М.: Наука, 1988. – 574 с.
12. Миронец, Н.И. Художественная литература как исторический источник: (к историографии вопроса) [Текст] / Н.И. Миронец // История СССР. – 1976. – № 1. – 125–176.
13. Мосолкина, Т.В. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории [Текст] / Т.В. Мосолкина, Н.И. Николаева – Саратов, 2004. – 96 с.
14. Нагорная, О.С. Военный плен и гендерные стереотипы: воспоминания сестер милосердия в российской общественной дискуссии о войне (1914–1917) [Текст] / О.С. Нагорная // Война и общество. К 90-летию начала Первой мировой войны. – Самара, 2004. – 305 с.
15. Разманова, Н. «На стыке двух континентов...» (О взаимодействии литературы и истории) [Текст] / Н. Разманова // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – 344–351.
16. Российское Общество Красного Креста и Первая мировая война [Текст] // 100 лет Красного Креста в нашей стране / Под ред. проф. Г.А. Митерева. – М.: Медицина, 1967. – 298 с.
17. Сенявская, Е.С. Художественная литература как исторический источник [Текст] / Е.С. Сенявская // История: Еженедельное приложение к газете 1 сентября. – 2001. – № 44. – С. 7–13.
18. Томилов, В.Г. Современная сибирская художественная литература как исторический источник [Текст] / В.Г. Томилов // Вестник Томского государственного университета. История. – Томск, 2009. – № 1 (5). – С. 103–109.
19. Цимбаева, Е.Н. Исторический анализ литературного текста [Текст] / Е.Н. Цимбаева. – М., 2005. – 176 с.